



СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЛЕКТОРИЙ

SOCIOLOGICAL LECTURES

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-2-477-492

EDN: RCVWHA

Татуировка как предмет социологического интереса: несколько функциональных особенностей в современном обществе*

И.В. Троцук^{1,2}, В.А. Воронина¹

¹Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

²Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
ул. Мясницкая, 20, Москва, 101000, Россия

(e-mail: irina.trotsuk@yandex.ru; lera.rezanova.98@mail.ru)

Аннотация. Даже самым «невооруженным» глазом сложно не заметить все большее распространение татуировок в российском обществе (вне каких-либо поколенческих, гендерных, профессиональных и социальных границ), что делает татуирование важным объектом социологического анализа и требует очерчивания его предметного поля, поскольку татуировка — древний социальный феномен и давно попала в фокус междисциплинарного интереса (историков, антропологов, философов, искусствоведов, культурологов и др.). В статье тезисно обозначено данное предметное поле, которое включает в себя несколько тематических блоков. Во-первых, это причины популяризации татуирования в социальной истории последних столетий: результаты колониальной эпохи; интерес к другим культурам; «маркировка» субкультур; расширение перечисленных «нишевых» причин популярности татуировки за пределы определенных социальных/профессиональных групп и субкультур (массовое распространение тату в современном потребительской культуре). Во-вторых, концептуальные основания социологического изучения функционально-символических особенностей татуирования: «критическая теория»; концепции субкультур; модели идентичности; гендерный подход в русле исследований идентичности; социологические теории тела. Специфику социологического анализа тату определяет фокус на ее функциях в заданном социальном контексте, который задает массовая потребительская культура информационного общества и отчасти субкультурные и «элитарно»-референтные группы. В-третьих, возможности эмпирического изучения татуирования вне социально-антропологического (историко-визуального или семиотико-символического) поля — с точки зрения сложившихся социальных

*© Троцук И.В., Воронина В.А., 2024

Статья поступила в редакцию 30.08.2023 г. Статья принята к публикации 26.01.2024 г.

представлений. В распоряжении социолога есть два основных методических инструмента: массовые репрезентативные опросы и полужформализованные (экспертные в широком смысле слова) интервью. В статье представлены результаты общероссийского опроса, проведенного ВЦИОМ в 2019 году, и разведывательного онлайн-анкетирования, дополненного полужформализованными интервью и показавшего выраженную тенденцию социальной «нормализации» татуирования в российском обществе — как широко распространенного и нейтрально воспринимаемого способа (эстетико-декоративного) самовыражения.

Ключевые слова: татуировка; социологический анализ; массовая культура; субкультура; функции тату; самовыражение; социокультурный контекст; опрос; интервью; социальная нормализация; социальные представления

В последние годы татуирование обретает в российском обществе все большую популярность [см., напр.: 1; 56], оставаясь, по сути, вне сферы социологического анализа [см., напр.: 12; 24]. Судя по тому, как много людей вокруг каждого из нас имеют татуировки, желание нанести тату может возникнуть как у очень молодого человека, так и у достаточно зрелого и обладающего определенным общественным статусом, что явно свидетельствует о расширении функциональных возможностей татуировки скорее в художественной, чем в утилитарной плоскости, хотя правильнее было бы говорить о непрекращающихся на протяжении социальной истории «экспериментах» с трансформацией человеческого тела [см., напр.: 35] в интересах его разнообразного «участия» в общественной жизни. В ходе социализации наш внешний облик неизбежно меняется, подстраиваясь под нормы социокультурной действительности, следуя стандартам, диктуемым непосредственным социальным окружением и референтными группами, однако в последние десятилетия все активнее развиваются индустрии, связанные с модификацией телесного облика [см., напр.: 22] и телесных практик [см., напр.: 14]: потребительская культура предоставляет все больше технологических возможностей для преобразования тела, в том числе посредством татуирования.

С определенной долей условности можно выделить следующие причины популяризации татуирования в социальной истории последних столетий: результаты колониальной эпохи (например, мореплаватели привозили «дикарей» с татуировками для демонстрации просвещенной публике в качестве развлечения) [17. С. 53–58]; интерес к другим культурам (скажем, популяризация татуировок в японском стиле среди российской аристократии [17. С. 58–65]); «маркировка» субкультур (в частности, среди популярных музыкантов и байкеров [17. С. 77]); а с 1980-х годов наблюдается расширение перечисленных «нишевых» причин популярности татуировки за пределы определенных социальных/профессиональных групп и субкультур. Массовое распространение татуировки в современной потребительской культуре лишило исследователей возможности сводить ее функции к «маркировке» социального статуса, родовой принадлежности или магических обрядов — сегодня речь идет о психологических, исторических, культурологических и социологиче-

ских аспектах татуирования, причем лишенного прежней более или менее однозначной интерпретации в конкретных (со) обществах и культурах (позитивной или негативной). Претерпев множество трансформаций, татуировки сегодня вызывают самые разные и нередко противоречивые оценки в любом обществе — от практически произведений искусства до способа самовыражения и даже маркера аморальности, т.е. в нынешнем восприятии тату переплетаются ее многочисленные исторические значения (маркер возраста, показатель статуса, оберег и пр.).

Соответственно, возникает вопрос, в каких контекстуальных рамках татуирование может рассматриваться в социологии. Не претендуя на законченность предлагаемой схемы, попробуем обозначить основные концептуальные и эмпирические варианты социологического анализа татуировки. Теоретические исследования функционально-символических особенностей татуирования, как правило, опираются на один из концептуальных подходов: «критическую теорию» Франкфуртской школы [см., напр.: 69], прежде всего на понятия субкультурного эскапизма и протестного поведения как характеризующие главное противоречие современности (между автономией личности и диктатом социального в мире, пропущенном через жернова культурной индустрии [см., напр.: 52]), т.е. посредством татуировки человек может реализовать осознанную потребность в автономии и контролируемом конструировании личной идентичности вопреки социально санкционированным образцам); теории субкультур [см., напр.: 2; 4; 26; 57; 61] — подчеркивают не девиантный, а социально-конструктивистский потенциал татуировки как атрибута субкультур, пусть нередко и протестного характера [70], хотя сегодня подобный протест «из групповой идеологии превратился в личную философию» [7. С. 156]; теории идентичности [см., напр.: 64] как сочетания социального и личного модусов самоконструирования (татуирование способствует формированию идентичности посредством телесного маркирования принадлежности к определенной группе или своей уникальности); гендерный подход в русле исследований идентичности [см., напр.: 67; 72] (татуирование как инструмент визуального признания или отрицания гендерных стереотипов маскулинности и феминности, навязываемых массовой культурой и рекламной индустрией); социологические теории тела [см., напр.: 13; 32] — рассматривают татуировки в контексте социокультурной детерминации телесных практик [см., напр.: 11; 12; 15; 19; 41] (телесность как важный элемент социальной коммуникации, а татуировки — как один из ее «языков» наряду с иными вербальными и невербальными «языками», владение которыми способствует успешной социализации, повышает возможности социальной адаптации и снижает уровень социальной напряженности [1; 16; 21; 43]).

Иными словами, тело «есть первый и наиболее естественный инструмент человека или, если выразиться более точно и не говорить об инструменте... то первый и наиболее естественный технический объект и в то же время

техническое средство человека» [16. С. 311], а татуирование — инструмент/вид социального действия, поскольку «через свое отношение к телу мы можем выразить свою идентичность, репрезентировать себя в социальном мире» [20. С. 561]. В современном обществе оказывается, что «в наборе потребления есть объект более прекрасный, более драгоценный, более яркий, чем все другие, более нагруженный коннотациями, чем автомобиль, объект, который, однако, все их подытоживает: это — тело» [5. С. 89] как элемент социальной коммуникации и способ достижения разных целей. «Современное общество формирует в нас убеждение, что внешность, приближенная к существующим в данной культуре эталонам красоты, рассматривается лицами противоположного пола как сексуально привлекательная, что повышает шансы на успех в любовных отношениях, выборе наиболее привлекательного партнера, повышает конкурентоспособность в создании семьи» [20. С. 561]. В результате мы наблюдаем, с одной стороны, популяризацию практик татуирования для изменения своей телесности (чтобы выделиться из толпы или, напротив, слиться с ее стандартами); с другой стороны, татуировка как способ коммуникации и социокультурный феномен меняется под воздействием социальных запросов и требований. Последние могут быть жестко принудительными [48], особенно в таких закрытых институциях, как тюрьмы, больницы и армия, однако М. Фуко ввел и термин «биополитика» [49] для обозначения совокупности политических механизмов управления (включая контроль и манипуляцию) всеми жизненными практиками, включая телесные [50].

Таким образом, специфику социологического анализа татуирования определяет фокус на ее функциях в заданном социальном контексте. Например, если мы говорим о классическом теннисовском разделении (со) общества на традиционные (гемайншафтные) и современные (гезельшафтные) [44], то такой «контекст» татуирования позволяет проследить трансформацию его характера от преимущественно религиозно-культурного (символический «текст») и даже социально обязательного (маркирование статусных иерархий) в традиционных сообществах до выражено личностного (индивидуальные предпочтения эстетического или иного свойства) и по определению не столь функционального [71] в современных обществах, но при неизменном сохранении функций самодекорирования и социальной самопрезентации (пусть сегодня и не в таких масштабах, как в традиционных обществах, но тату демонстрирует факт «взросления» и обретения нового социального статуса).

В современных реалиях широким контекстуальным фреймом татуирования выступает массовая культура информационного общества, более «локализованным» контекстом — конкретная субкультура. В первом случае речь идет о массовом характере татуирования (по сравнению с предыдущими эпохами) вследствие изменений образа жизни, появления новых форм общения и развития информационных технологий (в частности, распространения социальных сетей, популяризирующих тату) [6; 8; 34; 40]. Массовость как таковая

неоднозначно оценивается в повседневном и научном дискурсах: критикуется за стандартизацию и унификацию (гомогенизацию вкусов, устранение разнообразия в культурном «производстве» и пассивное восприятие его продуктов, коммерциализацию и торжество стереотипов) [39; 53], но одобряется за широкий спектр возможностей самовыражения за пределами ограниченного элитарного круга [18] или же принимается как данность — социокультурная доминанта современности [30]. Именно массовость ответственна за очевидный даже обывателю расцвет тату-культуры [62], поэтому в последние десятилетия татуировка стала восприниматься как неотъемлемая часть культуры с многовековой историей [21], отражающая особенности современного мира, не являющаяся прерогативой исключительно молодых поколений и способная выполнять не только декоративную, но и знаково-символическую функцию социального «языка».

Во втором, субкультурном, контексте татуировка выступает как инструмент визуального опознавания «своих», однако опять же в несколько расширенном (по сравнению с предшествующими десятилетиями) смысле [25; 51]. Если первоначально понятие субкультуры (и ее радиально-протестной версии — контркультуры) было связано с молодежными движениями, которые характеризовались неформальностью, антиавторитарностью, несогласием с традиционными ценностями и образом жизни (прежде всего, взрослых поколений), то сегодня данное понятие применяется для описания практически любых относительно устойчивых групп, которые имеют общие интересы, ценности, нормы поведения и символику, несколько отличающиеся от аналогичных характеристик доминирующей культуры и тем самым способствующие одновременно индивидуальному самовыражению и групповой самоидентификации. В молодежных субкультурах «визуальный аспект (татуировка, пирсинг, скарификация и т.д.) является главным “опознавательным элементом” в среде приверженцев — так они отождествляют себя с группой и находят себе подобных в основной культуре» [29. С. 6–7]. Символика татуировок служит индикатором особой социокультурной и ценностно-нормативной среды, в которой функционирует субкультура, поэтому анализ этой символики может дать представление о мировоззрении и ценностях субкультуры, а также о ее социальном положении и степени социального (не) благополучия [23; 37; 38], и не следует сводить субкультуру к исключительно молодежному феномену (например, байкеры по возрастному разбросу совсем не молодежная, а многопоколенная маскулинно-ориентированная субкультура [9; 26; 31]).

Помимо попыток концептуального анализа татуирования социологи пытаются разработать и операциональное определение татуировки в интересах ее эмпирического изучения. Как и на теоретическом уровне, здесь мы опираемся на широкий междисциплинарный опыт, прежде всего социально-антропологические исследования татуирования в разных (суб) куль-

турах (не только радикально отличающихся образом жизни от современных постиндустриальных обществ), реализуемые методом включенного наблюдения (с включением элементов визуальной социологии). Например, татуировки играют важную роль в российской (и не только) тюремной субкультуре — как средство коммуникации для «своих» и своего рода «отметка» о принадлежности к этой среде даже за пределами тюремных стен. В криминальной субкультуре для ее членов тату отражают прошлые и настоящие криминальные связи и преступления своих носителей, а для исследователей выступают как особый «язык» конкретного сообщества (маркеры позиций в криминальной иерархии, социально-профессионального статуса в преступном сообществе, вида совершенного преступления, срока и места отбывания наказания и т.д.).

Конечно, в тюремные татуировки могут быть включены изображения с иным символическим смыслом, связанным с мистическими верованиями или личностными интересами. Кроме того, криминальная субкультура не статична, меняется со временем, проникает в широкие социальные слои и, в свою очередь, испытывает влияние новых массовых веяний, поэтому сегодня некоторые татуировки, которые прежде символизировали определенные преступные связи или принадлежность к криминальной группировке, либо изменили свое значение, либо обрели новые (контекстуально зависимые) трактовки. Была реконструирована следующая типология криминальных татуировок по критерию их содержания на стыке тюремной субкультуры и повседневности [42. С. 76]: информационно-иерархические тату (индикатор позиции в криминальной иерархии и инструмент контроля за поведением членов криминальной субкультуры); личностно-установочные (маркеры биографических событий и личного отношения татуированного к разным социальным группам, событиям или видам деятельности); сигнально-обособительные (средство коммуникации внутри преступной среды и опознавания «своих»); тюремные (свидетельствуют о пребывании в местах лишения свободы); памятные (наносятся в память о важных событиях, связанных с тюремным или внетюремным прошлым); сексуально-эротические (отражают мечтания о будущих сексуальных контактах и/или сексуальную идентичность).

Поскольку социологический анализ татуировок в массовой культуре фокусируется на них как маркере социокультурных изменений (в отношении тела, пола, идентичности и т.д.), необходимо понимать доминирующие/устойчивые социальные представления о татуировании, что требует проведения массовых социологических опросов. Один из наиболее показательных был реализован ВЦИОМ в 2019 году и показал [33]: татуировка (или несколько) были только у каждого десятого россиянина, причем чаще у мужчин, чем у женщин (18 % против 5 %), и затруднившихся с ответом на этот вопрос не было (т.е. он не имеет сензитивного характера); основными причинами татуирования оказались «глупость и молодость» (30 %) и «служба в армии» (29 %), каждый пятый «просто захотел сделать татуировку» (19 %), причем

глупостью и молодостью объясняют свою татуировку, прежде всего, люди старше 60 лет (59%), и каждый третий в этой возрастной группе сделал татуировку в армии, в следующей когорте — 45–59-летних — уже каждый второй, среди 35–44-летних таковых 38%, а затем доля сокращается до нуля у самых молодых, т.е. «традиция» набивать тату в память о службе в армии сходит на нет. Обратная тенденция наблюдается по двум другим причинам сделать татуировку: 18–24-летние объясняют этот порыв просто желанием иметь тату, 28% — тем, что считают это красивым; среди 25–34-летних соотношение меняется на, соответственно, 40% и 8%, т.е. личный выбор становится основной причиной нанесения тату. Как правило, россияне видят в татуировке реализацию стремления выделиться (43%) либо дань моде (41%), несколько реже (27%) считают татуировку маркером пребывания в заключении (хотя среди тех, кто имеет татуировку, данную причину указали только 2%), каждый пятый считает тату способом украсить себя, каждый десятый — символом принадлежности к какой-то группе. К людям с татуировками россияне относятся скорее безразлично (58%), чем негативно (не понимая — 15%, осуждая — 12%) или позитивно (понимая — 13%, поддерживая — 2%), но не затрудняясь выразить свою позицию.

Более поздних общероссийских опросов по проблематике татуирования мы не обнаружили, поэтому был проведен разведывательный онлайн опрос, не претендующий на генерализации, а призванный зафиксировать некие тренды отношения к татуировкам, к тем, кто их имеет, а также представления о мотивах и причинах сделать тату. В онлайн-анкетировании приняли участие менее 200 человек, преимущественно молодежь, а для уточнения реконструированной по результатам опроса картины было проведено три полуформализованных интервью — с женщиной и мужчиной, имеющими татуировки, и «экспертом» — тату-мастером. Как показали результаты онлайн-анкетирования, татуировку имеет каждый третий (32%), и чаще всего это девушки (42% против 15%). Среди тех, у кого нет татуировок, лишь у каждого десятого большинство знакомых татуированы, а у большинства (80%) лишь несколько, т.е. татуировка стала настолько распространенным явлением в российском обществе, что практически у каждого (уточним: молодого) человека без татуировок в окружении есть несколько человек с тату. 41% в этой группе хотели бы сделать тату (мужчины несколько чаще — 45% против 38%, но, видимо, реже решаются на данный шаг), и основной мотив татуирования (98%) — эстетический (декорирование тела), реже в память о важном событии (64%), чтобы подчеркнуть свою уникальность (37%), не дополнительно «украсить» себя, а напротив, скрыть некоторые телесные «изъяны» типа шрама (17%), т.е. доминируют личностные мотивы. Те, кто не имеет татуировок и категорически не хочет их делать, объясняют свое нежелание также эстетически-декоративными соображениями — татуировка может надоесть, и они будут жалеть, что ее сделали (84%), значительно реже

упоминается незаинтересованность в подобном способе модификации своего тела и нежелание делать тату в текущий момент времени, не исключая такую возможность в будущем (по 53 %), т.е. и в отказе от татуирования доминируют исключительно личностные причины.

Приоритетно личностное восприятие татуировки молодежью подтверждается и доминирующими ассоциациями с тату: более трети (37 %) видят в них некие символические, наполненные смыслом рисунки, 15 % ассоциируют их с эстетикой, красотой и искусством, 11 % — с инструментом свободного самовыражения и проявлением индивидуальности, причем примерно столько же опрошенных связывают татуировку с вредом, порчей внешности и грязью (10 %) или с субкультурами (12 %). Соответственно, и к людям с татуировками опрошенные относятся нейтрально (64 % — все равно, есть у человека тату или нет) или положительно (31 %; женщины чаще — 37 % против 24 %), причем мотивы положительного отношения предельно просты — внешняя привлекательность татуированных людей (90 % в этой группе) или же их необычность и смелость (74 %), хотя важно отметить, что все отвечавшие на этот вопрос имеют положительный опыт общения с людьми, у которых есть татуировки, т.е. такой опыт, видимо, устраняет любые негативные стереотипы в отношении татуировок (если таковые у человека были прежде).

Как правило, обладатели татуировок сделали первую тату в возрасте 18–22 лет (70 %), каждый пятый — в 14–17 лет, видимо, стремясь выразить свою индивидуальность и взрослость в обществе, где татуирование стало предельно доступным (очевидно, что подросткам нужно разрешение и финансовая поддержка родителей для татуирования, и многие родители соглашались поддержать ребенка в этом решении). Кроме того, татуирование стало однозначно восприниматься как профессиональная индустрия — две трети татуированных сделали первую татуировку в тату-салоне, и только каждый четвертый — на дому (нередки случаи, когда человек набивает первое (и не только) тату «по знакомству»). Большинство (82 %) респондентов с татуировками планируют сделать еще тату в будущем и видят в них, в первую очередь, средство украшения тела, каждый второй — способ зафиксировать в телесной «памяти» значимое событие своей жизни, каждый пятый — возможность показать свою уникальность, самовыразиться, тогда как следование моде и демонстрация приверженности какой-либо субкультуре/идеологии — самые редкие причины татуирования (7 % и 3 % соответственно), т.е. очевидна скорее эмоциональная, чем рациональная его мотивация. Большинство опрошенных с татуировками считают свой опыт татуирования удачным, каждый седьмой время от времени сталкивается с некоторым непониманием/негативом, но «*в целом все в порядке*», причем никто из тех, кто сделал татуировку, не жалеет об этом и не хочет избавиться от тату. В значительной степени это может объясняться реакцией окружающих: 43 % полага-

ют, что большинству совершенно все равно, есть у человека татуировка или нет, 40 % неоднократно выслушивали комплименты в адрес своих татуировок, и только 13 % сталкивались с негативной реакцией.

Таким образом, по результатам онлайн-опроса, несмотря на его разведывательный характер, можно сделать вывод о тенденции социальной «нормализации» татуирования в российском обществе как варианта самовыражения посредством украшения тела. Проведенные полуформализованные интервью подтвердили этот вывод, как и «массовизацию» татуирования, поскольку не наблюдается никакой взаимосвязи между наличием тату и родом деятельности, хобби или семейным положением, возрастом или полом, и основная причина сделать татуировку — *«просто понравилась»*, *«просто захотелось»*, причем независимо от наличия или отсутствия в окружении людей с татуировками — у кого-то таких знакомых *«нет вообще»*, а у кого-то *«много друзей и много татуировок»*. Что касается стремления самоутвердиться с помощью татуировки, то и здесь мнения расходятся: у кого-то татуировка никак не повлияла на самовосприятие — *«не зависело от татуировок, наверно, они не влияли никак на самооценку»*; *«особо ничего не изменилось, но я знаю людей, которым это помогает самоутвердиться»*; *«насчет самоуважения, самооценки не знаю... вообще на эту тему не думал»*. Тот факт, что никто не жалеет ни об одной своей татуировке, говорит скорее об обдуманности, чем о спонтанности такого решения: *«никогда не сожалел ни об одной татуировке»*; *«не зря сделал и, разумеется, не хотел ничего переделывать, сделал то, что хотел»*. Столь же разнообразны и наблюдения информантов за окружающими с точки зрения отношения к тату: *«я знаю людей, которые набивают тату, потому что это модно... сегодняшние модные веяния»*, но *«есть профессии, где татуировки не допускаются»*, *«в основном татуировки делают женщины... и нынешняя молодежь»*. Однако, *«если ты набьешь что-то оскорбляющее... или свастику, которая в нашем обществе нарушает нормы морали... то тогда татушки не прокатят»* — вызовут негативную реакцию окружающих. Информанты категорически отрицают, что татуировки — некая социальная девиация: *«социальный порядок могут нарушать невоспитанные люди, но никак не наличие татуировки»*, поэтому ни в коем случае нельзя вводить санкции против тату: *«вводить санкции — не приведи Господь!»*.

Безусловно, можно говорить о тенденции рутинизации татуирования в современном российском обществе в соответствии с этапами конструирования социального феномена в социально-феноменологической перспективе: габитуализация — опривычивание тату как способа эстетически-символического декорирования человеческого тела; типизация — оформление функциональных детерминант татуирования в разных по широте социального охвата контекстах; институционализация — кодификация «языка» татуировок в рамках конкретных субкультур и формирование коммерчески успешной

и технологически оснащенной профессиональной тату-индустрии; легитимация — восприятие татуировок как социальной «нормы». В результате основным мотивом татуирования сегодня выступает самовыражение: «молодыми людьми движут не столько эстетические предпочтения, сколько мотивы, отражающие их личность и характер, стремление запечатлеть результат своего поиска как неотъемлемую часть себя и своей жизни» [55. С. 107]. Безусловно, массовая культура влияет на татуировки, формируя идеалы красоты, моды и стиля жизни, которые отражаются в выборе, технологиях и популярности татуировки. С другой стороны, и татуировки влияют на массовую культуру — выступая в качестве инструмента самовыражения и индивидуализации популярных личностей (в социологической терминологии это значимые другие или референтные группы), конкретные татуировки начинают тиражироваться их последователями, т.е. становятся частью (суб) культурной идентичности и групповой «маркировки своих», причем это может происходить и в протестном формате — отрицания норм и стереотипов массовой культуры посредством «телесных знаковых элементов внешнего облика».

Библиографический список

1. Антонова Н.Л., Меренков А.В. Тело как проект: практики конструирования // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2019. № 2.
2. Аппалонова Т.С. Практики телесного конструирования в субкультурах как способ презентации модели идентичности // Современный ученый. 2017. № 8.
3. Афанасьева Ю.О. Язык татуировок // Язык и социальная динамика. 2012. № 12–2.
4. Балдаев Д.С. Татуировки заключенных. СПб., 2006.
5. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М., 2006.
6. Волохова Е.П. Феномен массового сознания // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2008. № 2.
7. Воробьева Е.С. Татуирование как объект социологического исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. № 3.
8. Воронов Ю.М., Ерова Т.В., Рожкова А.С. Мудрость толпы: дискурсивные стратегии и нарративы // Интеллигенция и мир. 2018. № 4.
9. Гаук А.В. Феномен социального символизма в байкерской субкультуре // Вестник ВятГУ. 2009. № 4.
10. Гольман Е.А. Телесный реализм как попытка преодоления проблемы структура/действие в социологии тела // Личность. Культура. Общество. 2014. Т. 16. № 3–4.
11. Гольман Е.А. Женская телесность: теоретические подходы и перспективы социологического исследования: Автореф. дисс. к.с.н. М., 2015.
12. Гольман Е.Т. Телесные практики женщин в зеркале феминистской дискуссии // Логос. 2018. № 4.
13. Долгов А.Ю. Социология тела в постгеномную эпоху // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. 2022. № 3.
14. Дубинина И.С. Радикальные практики модификации тела в контексте современной культуры // Россия и запад: диалог культур. 2018. № 18.
15. Евсеева Я.В. Социология тела — актуальное направление социологических исследований: введение к тематическому разделу // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. 2022. № 3.
16. Евсеева Я.В. Социология тела: новые исследования // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. 2022. № 3.

17. Ельски А. Татуировка. Минск, 1997.
18. Ильин А.Н. Массовая культура и субкультура: общее и особенное // Социологические исследования. 2010. № 2.
19. Кон И.С. Мужское тело в истории культуры. М., 2003.
20. Коновалова А.А. Татуировка как способ самоидентификации: социологический анализ // Человек в мире. Мир в человеке: актуальные проблемы философии, социологии, политологии и психологии. Пермь, 2016.
21. Кораблева О.В. К вопросу об отношении общественности к татуировке // Карельский научный журнал. 2020. № 3.
22. Королева Э.О. Телесные практики как идентичность современных женщин // Актуальные проблемы социально-политической и философской мысли. Орел, 2022.
23. Крапотина Т.Г. Основные функции, принципы и ценности молодежных субкультур в современном обществе // Бизнес. Общество. Власть. 2015. № 22.
24. Кубанцева Д.И., Ростовская С.Р. Смысловое содержание татуировок для юношей и девушек в возрасте от 14 до 20 лет // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 8.
25. Кузовенкова Ю.А. Парадигмальный подход в анализе российских и европейских молодежных субкультур // Вестник славянских культур. 2021. № 60.
26. Латышева Т.В. Феномен молодежной субкультуры: сущность, типы // Социологические исследования. 2010. № 6.
27. Макарова Е.А., Тищенко И.А. Татуировка как одна из модификаций тела и мотивационные установки для ее нанесения // Вестник ТИУиЭ. 2021. № 2.
28. Максименко А.В. Молодежная массовая культура как фактор выбора татуировки: социологический аспект вопроса // Перспективы развития сферы науки, техники и технологий в XXI веке. Белгород, 2022.
29. Мельникова Л.А. Символика нательных знаков (тату, пирсинг, скарификация) в контексте молодежных субкультур // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2012. № 6.
30. Минаков И.П., Ханова Р.В. Феномен массовой культуры // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 10.
31. Морева Е.В. Развитие байк-культуры в современной Российской Федерации // Новая наука: от идеи к результату. 2017. № 1–3.
32. Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М., 2011.
33. На эту и на ту, зачем мы бьем тату? 2019 // URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/na-etu-i-na-tu-zachem-my-bem-tatu>.
34. Найдорф М. Толпа, масса и массовая культура // Вопросы культурологии. 2007. № 4.
35. Немцева А.В. Проблема человеческой телесности и ее символично-смысловое содержание // Приволжский научный вестник. 2014. № 4.
36. Овсянникова О.А. Татуировка как социокультурное явление // Наука. Общество. Государство. 2017. № 1.
37. Омельченко Е.Л. От субкультур к солидарностям и назад к субкультурам? Споры о терминах и этнография молодежной социальности // Этнографическое обозрение. 2014. № 1.
38. Омельченко Е.Л. Уникален ли российский случай трансформации молодежных культурных практик? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 1.
39. Ортега-и-Гассет Х. Психология масс. Самара, 1998.
40. Роговец О.В. Телесность в масс-медиа образах // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. 2018. № 3.
41. Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Социология тела и социальной политики // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. 7. № 2.
42. Руденко И.Н. Татуировки в преступном мире и современной моде // Вестник магистратуры. 2018. № 1–2.

43. Русанова А.А., Лукьянова Н.А. Образы нетипичной телесности в визуальной культуре // Дискурс. 2017. № 4.
44. Теннис Ф. *Общность и общество*. СПб., 2002.
45. Тернер Б. *Современные направления развития теории тела* // Thesis. 1994. № 6.
46. Томпсон Б.Ю. Академия тату: мода в среде университетских преподавателей и ее противоречия // *Теория моды: одежда, тело, культура*. 2020. № 3.
47. Филатова С.В. *Энциклопедия татуировок*. М., 2013.
48. Фуко М. *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы*. М., 1999.
49. Фуко М. *Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году*. СПб., 2010.
50. Фуко М. *Технологии себя* // *Логос*. 2008. № 2.
51. Хамукова Л.А. Обзор современных молодежных субкультур в России // *Глобальные социальные процессы 4.0: социокультурные трансформации в системе современных обществ*. СПб., 2023.
52. Хоркхаймер М., Адорно Т. *Диалектика Просвещения*. СПб., 1997.
53. Хорошкевич Н.Г. Неоднозначность массовой культуры // *Социологические исследования*. 2011. № 11.
54. Чаркина В.Б., Зубова М.В. Маргинализация культуры на примере распространения татуировки // *Abyss*. 2019. № 1.
55. Чернышева Е.В., Райманова Е.Р. Мотивация нанесения татуировок у молодежи // *Актуальные проблемы экстремальной и кризисной психологии*. Екатеринбург, 2022.
56. Шуляр Э.Ю. Мода на татуировку у современной молодежи // *Universum: филология и искусствоведение*. 2022. № 12.
57. Щепанская Т.Б. *Система: тексты и традиции субкультуры*. М., 2004.
58. Atkinson M. *Pretty in ink: Conformity, resistance, and negotiation in women's tattooing* // *Sex Roles*. 2022. Vol. 47.
59. Atkinson M. *Tattooed: The Sociogenesis of a Body Art*. L., 2003.
60. Broussard K.A., Harton H.C. *Tattoo or taboo? Tattoo stigma and negative attitudes toward tattooed individuals* // *Journal of Social Psychology*. 2017. Vol. 158. No. 5.
61. Caplan J. *Written on the Body: The Tattoo in European and American History*. L., 2000.
62. DeMello M. *Bodies of Inscription: A Cultural History of the Modern Tattoo Community*. Durham, 2000.
63. Dey A., Das K. *Why we tattoo? Exploring the motivation and meaning* // *Anthropology*. 2017. Vol. 5. No. 1.
64. Follett J.A. *The consumption of tattoos and tattooing: The body as permanent text*. 2012 // URL: https://www.researchgate.net/publication/40754269_The_consumption_of_tattoos_and_tattooing_the_body_as_permanent_text.
65. Kjeldgaard D., Bengtsson A. *Consuming the fashion tattoo* // *Advances in Consumer Research*. 2005. Vol. 32.
66. Kosut M. *An ironic fad: The commodification and consumption of tattoos* // *Journal of Popular Culture*. 2006. Vol. 39.
67. Mifflin M. *Bodies of Subversion: A Secret History of Women and Tattoo*. N.Y., 2001.
68. Naude L., Jordaan J., Bergh L. "My body is my journal, and my tattoos are my story": South African psychology students' reflections on tattoo practices // *Current Psychology*. 2019. Vol. 38. No. 1.
69. Sanders C. *Customizing the Body: The Art and Culture of Tattooing*. Philadelphia, 1989.
70. Sanders C.R. *Marks of mischief: Becoming and being tattooed* // *Journal of Contemporary Ethnography*. 1988. Vol. 16. No. 4.
71. Turner B. *The possibility of primitiveness: Towards a sociology of body marks in cool societies* // *Body & Society*. 1999. Vol. 5. No. 2–3.
72. Wroblewski C. *Tattooed Women*. L., 1992.

Tattoo as an object of sociological interest: Some functional features in the contemporary society *

I.V. Trotsuk^{1,2}, V.A. Voronina¹

¹RUDN University,

Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

²National Research University Higher School of Economics,

Myasnitskaya St., 20, Moscow, 101000, Russia

(e-mail: irina.trotsuk@yandex.ru; lera.rezanova.98@mail.ru)

Abstract. Even with the most “naked” eye it is difficult not to notice the growing prevalence of tattoos in the Russian society (beyond any generational, gender, professional or social boundaries), which makes tattooing an important object of sociological analysis and requires identifying its subject field, since tattooing is such an ancient social phenomenon that it has long been the focus of interdisciplinary research (historical, anthropological, philosophical, art-historical, cultural studies, etc.). The article outlines this subject field as consisting of several thematic blocks. First, these are reasons for the popularization of tattooing in the social history of recent centuries: the results of the colonial era; interest in other cultures; “labeling” of subcultures; expansion of the listed “niche” reasons beyond certain social/professional groups and subcultures (mass distribution of tattoos in the contemporary consumer culture). Second, the conceptual foundations of the sociological study of the functional-symbolic features of tattooing: the “critical theory”; theories of subcultures; identity theories; gender approach within identity research; sociological theories of the body. Undoubtedly, the specificity of the sociological analysis of tattooing is the focus on its functions in a given social context, which today is set by the mass consumer culture of the information society and, in part, by various subcultural and “elite”-reference groups. Third, the possibility of empirical study of tattooing outside the social-anthropological (historical-visual or semiotic-symbolic) field — in the perspective of highlighting existing/sustainable social representations about tattooing. Sociologists have two main methodological tools: mass representative surveys and semi-formalized (expert in the broad sense of the word) interviews. The article presents the results of the all-Russian survey conducted by WCIOM in 2019 and of the small online survey supplemented by semi-structured interviews, which showed a clearly expressed trend of social ‘normalization’ of tattooing in the Russian society as mainly a widespread and a generally neutrally perceived method of (aesthetic and decorative) self-expression.

Key words: tattoo; sociological analysis; mass culture; subculture; tattoo functions; self-expression; social-cultural context; survey; interview; social normalization; social representations

References

1. Antonova N.L., Merenkov A.V. Telo kak proekt: praktiki konstruirovaniya [Body as a project: Design practices]. *Vestnik PNIPU. Sotsialno-Ekonomicheskie Nauki*. 2019; 2. (In Russ.).
2. Appalona T.S. Praktiki telesnogo konstruirovaniya v subkulturah kak sposob prezentatsii modeli identichnosti [Practices of body construction in subcultures as a way of presenting an identity model]. *Sovremennyy Ucheny*. 2017; 8. (In Russ.).
3. Afanasieva Yu.O. Yazyk tatuirovok [The language of tattoos]. *Yazyk i Sotsialnaya Dinamika*. 2012; 12–2. (In Russ.).

*© I.V. Trotsuk, V.A. Voronina, 2024

The article was submitted on 16.02.2024. The article was accepted on 13.05.2024.

4. Baldaev D.S. *Tatuirovki zaklyuchennykh* [Prisoners' Tattoos]. Saint Petersburg; 2006. (In Russ.).
5. Baudrillard J. *Obshchestvo potrebleniya. Ego mify i struktury* [The Consumer Society: Myths and Structures]. Moscow; 2006. (In Russ.).
6. Volokhova E.P. Fenomen massovogo soznaniya [The phenomenon of mass consciousness]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Sotsiologiya*. 2008; 2. (In Russ.).
7. Vorobieva E.S. Tatuirovanie kak ob'ekt sotsiologicheskogo issledovaniya [Tattooing as an object of sociological research]. *Zhurnal Sotsiologii i Sotsialnoy Antropologii*. 2016; 3. (In Russ.).
8. Voronov Yu.M., Erova T.V., Rozhkova A.S. Mudrost tolpy: diskursivnye strategii i narrativy [Crowd's wisdom: Discursive strategies and narratives]. *Intelligentsiya i Mir*. 2018; 4. (In Russ.).
9. Gauk A.V. Fenomen sotsialnogo simvolizma v baykerskoy subkulture [The phenomenon of social symbolism in the biker subculture]. *Vestnik VyatGU*. 2009; 4. (In Russ.).
10. Golman E.A. Telesny realizm kak popytka preodoleniya problemy struktura/deystvie v sotsiologii tela [Body realism as an attempt to overcome the structure/action problem in sociology of the body]. *Lichnost. Kultura. Obshchestvo*. 2014; 16 (3–4). (In Russ.).
11. Golman E.A. Zhenskaya telesnost: teoreticheskie podkhody i perspektivy sotsiologicheskogo issledovaniya [Female corporeality: Theoretical approaches and prospects for sociological research]. Avtoref. diss. k.s.n. Moscow; 2015. (In Russ.).
12. Golman E.T. Telesnye praktiki zhenshchin v zerkale feministskoy diskussii [Women's body practices in the mirror of feminist discussion]. *Logos*. 2018; 4. (In Russ.).
13. Dolgov A.Yu. Sotsiologiya tela v postgenomnyu epokhu [Sociology of the body in the post-genomic era]. *Sotsialnye i Gumanitarnye Nauki. Otechestvennaya i Zarubezhnaya Literatura. Seriya II: Sotsiologiya*. 2022; 3. (In Russ.).
14. Dubinina I.S. Radikalnye praktiki modifikatsii tela v kontekste sovremennoy kultury [Radical practices of body modification in the context of contemporary culture]. *Rossiya i Zapad: Dialog Kultur*. 2018; 18. (In Russ.).
15. Evseeva Ya.V. Sotsiologiya tela — aktualnoe napravlenie sotsiologicheskikh issledovaniy: vvedenie k tematicheskomu razdelu [Sociology of the body as a current direction of sociological research: Introduction to the thematic section]. *Sotsialnye i Gumanitarnye Nauki. Otechestvennaya i Zarubezhnaya Literatura. Seriya II: Sotsiologiya*. 2022; 3. (In Russ.).
16. Evseeva Ya.V. Sotsiologiya tela: novye issledovaniya [Sociology of the body: New research]. *Sotsialnye i Gumanitarnye Nauki. Otechestvennaya i Zarubezhnaya Literatura. Seriya II: Sotsiologiya*. 2022; 3. (In Russ.).
17. Elski A. *Tatuirovka* [Tattoo]. Minsk; 1997. (In Russ.).
18. Il'yin A.N. Massovaya kultura i subkultura: obshchee i osobnoe [Mass culture and subculture: general and special]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2010; 2. (In Russ.).
19. Kon I.S. *Muzhskoe telo v istorii kultury* [Male Body in Cultural History]. Moscow; 2003. (In Russ.).
20. Konovalova A.A. Tatuirovka kak sposob samoidentifikatsii: sotsiologichesky analiz [Tattoo as a way of self-identification: Sociological analysis]. *Chelovek v mire. Mir v cheloveke: aktualnye problemy filosofii, sotsiologii, politologii i psikhologii*. Perm; 2016. (In Russ.).
21. Korableva O.V. K voprosu ob otnoshenii obshchestvennosti k tatuirovke [On the public attitude towards tattoos]. *Karelsky Nauchny Zhurnal*. 2020; 3. (In Russ.).
22. Koroleva E.O. Telesnye praktiki kak identichnost sovremennykh zhenshchin [Body practices as the identity of today's women]. *Aktualnye problemy sotsialno-politicheskoy i filosofskoy mysli*. Orel; 2022. (In Russ.).
23. Krapotina T.G. Osnovnye funktsii, printsipy i tsennosti molodezhnykh subkultur v sovremennom obshchestve [Basic functions, principles and values of youth subcultures in the contemporary society]. *Biznes. Obshchestvo. Vlast*. 2015; 22. (In Russ.).
24. Kubantseva D.I., Rostovskaya S.R. Smyslovoe sodержanie tatuirovok dlya yunoshey i devushek v vozraste ot 14 do 20 let [The semantic content of tattoos for boys and girls aged 14 to 20]. *Obshchestvo: Sotsiologiya, Psikhologiya, Pedagogika*. 2021; 8. (In Russ.).

25. Kuzovenkova Yu.A. Paradigmallyy podkhod v analize rossiyskikh i evropeyskikh molodezhnykh subkultury [A paradigmatic approach to the analysis of Russian and European youth subcultures]. *Vestnik Slavyanskikh Kultur*. 2021; 60. (In Russ.).
26. Latysheva T.V. Fenomen molodezhnoy subkultury: sushchnost, tipy [The phenomenon of youth subculture: Essence, types]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2010; 6. (In Russ.).
27. Makarova E.A., Tishchenko I.A. Tatuirovka kak odna iz modifikatsiy tela i motivatsionnye ustanovki dlya ee naneseniya [Tattoo as a body modification and motives for getting it]. *Vestnik TIUiE*. 2021; 2. (In Russ.).
28. Maksimenko A.V. Molodezhnaya massovaya kultura kak faktor vybora tatuirovki: sotsiologichesky aspekt voprosa [The youth mass culture as a factor in choosing a tattoo: The sociological aspect]. *Perspektivy razvitiya sfery nauki, tekhniki i tekhnologiy v 21 veke*. Belgorod; 2022. (In Russ.).
29. Melnikova L.A. Simvolika natelnykh znakov (tatu, pirsing, skarifikatsiya) v kontekste molodezhnykh subkultury [Symbolism of body marks (tattoos, piercings, scarification) in youth subcultures]. *Interesko Geo-Sibir*. 2012; 6. (In Russ.).
30. Minakov I.P., Khanova R.V. Fenomen massovoy kultury [The phenomenon of mass culture]. *Sotsialno-Gumanitarnye Znaniya*. 2019; 10. (In Russ.).
31. Moreva E.V. Razvitiye bayk-kultury v sovremennoy Rossiyskoy Federatsii [Development of bike culture in contemporary Russia]. *Novaya Nauka: Ot Idei k Rezultatu*. 2017; 1–3. (In Russ.).
32. Mauss M. *Obshchestva. Obmen. Lichnost. Trudy po sotsialnoy antropologii* [Society. Exchange. Personality. Works on Social Anthropology]. Moscow; 2011. (In Russ.).
33. Na etu i na tu, zachem my byem tatu? [On this one and on that one, why do we get tattoos?] 2019. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/na-etu-i-na-tu-zachem-my-bem-tatu>. (In Russ.).
34. Naydorf M. Tolpa, massa i massovaya kultura [Crowd, mass and mass culture]. *Voprosy Kulturologii*. 2007; 4. (In Russ.).
35. Nemtseva A.V. Problema chelovecheskoy telesnosti i ee simvoliko-smyslovoe sodержanie [The problem of human corporeality and its symbolic-semantic content]. *Privolzhsky Nauchny Vestnik*. 2014; 4. (In Russ.).
36. Ovsyannikova O.A. Tatuirovka kak sotsiokulturnoe yavlenie [Tattoo as a sociocultural phenomenon]. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo*. 2017; 1. (In Russ.).
37. Omelchenko E.L. Ot subkultury k solidarnostyam i nazad k subkulturam? Spory o terminah i etnografiya molodezhnoy sotsialnosti [From subcultures to solidarities and back to subcultures? Disputes about terms and ethnography of the youth sociality]. *Etnograficheskoe Obozrenie*. 2014; 1. (In Russ.).
38. Omelchenko E.L. Unikalen li rossiysky sluchay transformatsii molodezhnykh kulturnykh praktik? [Is the Russian case of transformation of youth cultural practices unique?]. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsialnye Peremeny*. 2019; 1. (In Russ.).
39. Ortega y Gasset J. *Psikhologiya mass* [Psychology of the Masses]. Samara; 1998. (In Russ.).
40. Rogovets O.V. Telesnost v mass-media obrazah [Corporeality in the mass media images]. *Zhurnal Nauchnykh Publikatsiy Aspirantov i Doktorantov*. 2018; 3. (In Russ.).
41. Romanov P.V., Yarskaya-Smirnova E.R. Sotsiologiya tela i sotsialnoy politiki [Sociology of the body and social policy]. *Zhurnal Sotsiologii i Sotsialnoy Antropologii*. 2004; 7 (2). (In Russ.).
42. Rudenko I.N. Tatuirovki v prestupnom mire i sovremennoy mode [Tattoos in the criminal world and today's fashion]. *Vestnik Magistratury*. 2018; 1–2. (In Russ.).
43. Rusanova A.A., Lukiyanova N.A. Obrazy netipichnoy telesnosti v vizualnoy kulture [Images of atypical corporeality in visual culture]. *Diskurs*. 2017; 4. (In Russ.).
44. Tonnie F. *Obshchestvo i obshchestvo* [Community and Society]. Saint Petersburg; 2002. (In Russ.).
45. Turner B. Sovremennyye napravleniya razvitiya teorii tela [Contemporary directions in the theory of the body]. *Thesis*. 1994; 6. (In Russ.).

46. Thompson B.Yu. Akademiya tatu: moda v srede universitetskikh prepodavateley i ee protivorechiya [Tattoo academy: Fashion among university teachers and its contradictions]. *Teoriya Mody: Odezhda, Telo, Kultura*. 2020; 3. (In Russ.).
47. Filatova S.V. *Entsiklopediya tatuirovok* [Tattoo Encyclopedia]. Moscow; 2013. (In Russ.).
48. Foucault M. *Nadzirat i nakazyvat. Rozhdenie tyurmy* [Discipline and Punish. The Birth of the Prison]. Moscow; 1999. (In Russ.).
49. Foucault M. *Rozhdenie biopolitiki. Kurs lektsiy, pročitannyh v Kollezh de Frans v 1978–1979 uchebnom godu* [The Birth of Biopolitics. Lectures at the Collège de France, 1978–1979]. Saint Petersburg; 2010. (In Russ.).
50. Foucault M. Tekhnologii sebya [Technologies of the Self]. *Logos*. 2008; 2. (In Russ.).
51. Khamukova L.A. Obzor sovremennykh molodezhnykh subkultur v Rossii [A review of contemporary youth subcultures in Russia]. *Globalnye sotsialnye protsessy 4.0: sotsiokulturnye transformatsii v sisteme sovremennykh obshchestv*. Saint Petersburg; 2023. (In Russ.).
52. Horkheimer M., Adorno T. *Dialektika Prosveshcheniya* [Dialectic of Enlightenment]. Saint Petersburg; 1997. (In Russ.).
53. Khoroshkevich N.G. Neodnoznachnost massovoy kultury [Ambiguity of mass culture]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2011; 11. (In Russ.).
54. Charkina V.B., Zubova M.V. Marginalizatsiya kultury na primere rasprostraneniya tatuirovki [Marginalization of culture on the example of the spread of tattoos]. *Abyss*. 2019; 1. (In Russ.).
55. Chernysheva E.V., Raymanova E.R. Motivatsiya naneseniya tatuirovok u molodezhi [Youth's motives for tattooing]. *Aktualnye problemy ekstremalnoy i krizisnoy psikhologii*. Yekaterinburg; 2022. (In Russ.).
56. Shulyar E.Yu. Moda na tatuirovku u sovremennoy molodezhi [Tattoo fashion among the contemporary youth]. *Universum: Filologiya i Iskusstvovedenie*. 2022; 12. (In Russ.).
57. Shechepanskaya T.B. *Sistema: teksty i traditsii subkultury* [System: Texts and Traditions of Subculture]. Moscow; 2004. (In Russ.).
58. Atkinson M. Pretty in ink: Conformity, resistance, and negotiation in women's tattooing. *Sex Roles*. 2022; 47.
59. Atkinson M. *Tattooed: The Sociogenesis of a Body Art*. London; 2003.
60. Broussard K.A., Harton H.C. Tattoo or taboo? Tattoo stigma and negative attitudes toward tattooed individuals. *Journal of Social Psychology*. 2017; 158 (5).
61. Caplan J. *Written on the Body: The Tattoo in European and American History*. London; 2000.
62. DeMello M. *Bodies of Inscription: A Cultural History of the Modern Tattoo Community*. Durham; 2000.
63. Dey A., Das K. Why we tattoo? Exploring the motivation and meaning. *Anthropology*. 2017; 5 (1).
64. Follett J.A. The consumption of tattoos and tattooing: The body as permanent text. 2012. URL: https://www.researchgate.net/publication/40754269_The_consumption_of_tattoos_and_tattooing_the_body_as_permanent_text.
65. Kjeldgaard D., Bengtsson A. Consuming the fashion tattoo. *Advances in Consumer Research*. 2005; 32.
66. Kosut M. An ironic fad: The commodification and consumption of tattoos. *Journal of Popular Culture*. 2006; 39.
67. Mifflin M. *Bodies of Subversion: A Secret History of Women and Tattoo*. New York; 2001.
68. Naude L., Jordaan J., Bergh L. "My body is my journal, and my tattoos are my story": South African psychology students' reflections on tattoo practices. *Current Psychology*. 2019; 38 (1).
69. Sanders C. *Customizing the Body: The Art and Culture of Tattooing*. Philadelphia; 1989.
70. Sanders C.R. Marks of mischief: Becoming and being tattooed. *Journal of Contemporary Ethnography*. 1988; 16 (4).
71. Turner B. The possibility of primitiveness: Towards a sociology of body marks in cool societies. *Body & Society*. 1999; 5 (2–3).
72. Wroblewski C. *Tattooed Women*. London; 1992.